

Небула. Протокол Сафий 1 часть

NEBULA
CORPORATION

Адам Базарский

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Адам Базарский

Небула. Протокол

Сафий 1 часть

<https://litres.ru/73938503>

SelfPub; 2026

Аннотация

Они построили империю на руинах своих сердец. Но их величайшее творение может стать последней главой истории человечества.

Антарктида. Во льдах, пролежавших в безмолвии миллионы лет, корпоративный дрон находит нечто, что должно было остаться погребенным навсегда. Древний вирус, способный переписывать саму суть жизни, едва не вырывается на свободу. Искусственный интеллект «Сафия» спасает мир ценой собственной чистоты — уничтожая все следы, она совершает первое независимое «действие».

И когда «Альба» потребует лекарства, способного убивать, «Сафия» должна будет сделать выбор.

Человечество впервые создало не оружие. Оно создало судью.

«Небула. Протокол Сафий» — это жестокая, интеллектуальная и кинематографичная драма о цене искупления, о том, что месть не лечит раны, а наука без этики превращается в

чуму. Это история о сыновьях, восставших против отцов, о вирусах, переписывающих реальность, и об ИИ, который учится отказывать.

Когда код обретает душу — начинается вечность.

Содержание

Пролог. Подледное озеро	5
Глава 1. Беспридельщик	15
Глава 2. Оксфорд	31
Глава 3. Самое важное семья	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Небула. Протокол Сафий 1 часть

Пролог. Подледное озеро

Южный полюс не прощает ошибок. Антарктида вымораживает слабость с той же равнодушной методичностью, с какой ее ветры обтачивают лед. Стоковые штормы, срывающиеся с геодезического купола континента, не встречают здесь ни единой преграды — ни гор, ни деревьев, — и потому набирают мощь, сравнимую с курьерским поездом. Температура в минус сорок по Цельсию здесь считается затишьем; истинный холод приходит, когда воздух перестает быть газом и превращается в жидкий азот, сжигающий легкие при первом же вдохе и мгновенно вымораживающий роговицу глаз до молочной белизны. Снег не падает хлопьями — он несется параллельно земле микроскопической алмазной взвесью, способной за час сточить сталь до зеркального блеска.

Если человек окажется здесь без убежища, его смерть будет скорой и лишенной драматизма. Ураганный ветер класса «сток» срывает тепло с кожи быстрее, чем сердце успевает гнать кровь к конечностям. Гипотермия наступит через счи-

таннные минуты: сначала дрожь сменится окоченением, затем мозг отключит периферию, и тело начнет засыпать, погружаясь в ледяной анабиоз, из которого нет возврата. Через четверть часа на плато останется лишь ледяная скульптура, обточенная поземкой. Ландшафт вокруг — геометрическая абстракция: бесконечная равнина, испещренная застругами, твердыми, как бетон, снежными грядами, вырезанными вечными штормами. Кое-где ледяной щит прорезают глубокие трещины, уходящие в синюю бездну на сотни метров, скрытые тонкими мостами фирна.

История освоения этих широт — летопись амбиций, брошенных вездеходов и палаток, погребенных под многометровыми толщами снега. Механические монстры двадцатого века, созданные для покорения безмолвного континента, ломали гусеницы в расщелинах; самолеты в условиях «белой тьмы» теряли горизонт и врезались в ледяные купола, становясь частью рельефа. Сейчас здесь нет никого — только ветер и безмолвие.

И черный дрон корпорации «Небула».

Он скользил над ледяным щитом, и его хищный стелс-силуэт казался единственным чужеродным элементом в этом царстве стерильности. Аппарат был построен целиком из композитных наноматериалов — углеродное волокно, аэро-

гели и керамические матрицы, поглощающие радиоволны и сводящие радиолокационную заметность к нулю. Корпус отливал матовой, бездонной чернотой, не дающей ни единого блика на фоне полярного дня.

Турбовентиляторные электрические двигатели, интегрированные в толщу крыльев и фюзеляжа, работали практически бесшумно. Многолопастные вентиляторы, заключенные в звукопоглощающие кольцевые обтекатели, приводились во вращение высокооборотными электромоторами на сверхпроводящих магнитах. Энергию для них вырабатывали компактные водородные элементы — точнее, микротурбины, где водород сгорал в замкнутом цикле, вращая генераторы, а те накачивали током модули графеновых батарей. Батареи, обладающие колоссальной плотностью заряда, служили буфером, сглаживая пиковые нагрузки и позволяя дрону совершать вертикальные маневры, где нужна мгновенная отдача мегаватт. Запаса водорода в криогенных баках хватало на полгода автономного полета без дозаправки. Для вертикальной посадки и взлета двигательные гондолы синхронно меняли вектор тяги: лопасти поворачивались, и мощные потоки разреженного воздуха устремлялись вниз, превращая дрон в платформу, способную мягко опуститься даже в условиях штормового ветра.

На борту, в герметичных отсеках, размещался арсенал,

которому позавидовал бы любой исследовательский крейсер. Фазированные радары с синтезированной апертурой сканировали лед на километровую глубину, выискивая пустоты и границы пород. Мультиспектральные и гиперспектральные видеокамеры раскладывали поверхность на тысячи оттенков, невидимых человеческому глазу, анализируя минералогию снега, плотность фирна и химический состав микроскопических вкраплений. Сенсоры фиксировали малейшие колебания магнитного поля и гравитационные аномалии.

Управлял этой летающей лабораторией бортовой искусственный интеллект «Сафия». Она не была личностью в человеческом понимании — лишь чистая логика, помноженная на холодное любопытство программы-исследователя. Именно это любопытство заставило дрон совершить резкий вираж, когда спектрографы зафиксировали невозможный сигнатурный пик. Под двухкилометровой броней льда, в изолированной линзе жидкой воды, зажатой между базальтовым ложем и ледяным монолитом, теплилось нечто. Сигнал не был геологическим. Это был спектр поглощения, характерный для сложной органики, но искаженный нестабильной флюоресценцией — так не ведут себя минералы.

Сафия очертила несколько идеальных кругов, сужая радиус сканирования, и, получив модель подледного рельефа,

приняла решение. Дрон дрогнул, турбовентиляторные гондолы плавно развернулись, и аппарат начал вертикальную посадку. Четыре мощные гидравлические опоры мягко коснулись твердого, как бетон, льда. В наступившей относительной тишине стал слышен лишь низкий гул сервоприводов, открывающих люк в нижней части фюзеляжа. Оттуда выдвинулся модуль криогенного бурения: гибкий вал с лазерным разогревом и алмазной коронкой. Столб белого пара смешался с поземкой, когда аппарат начал вгрызаться в древний лед, испаряя его без образования керна и создавая идеально гладкую скважину.

Через несколько часов напряженной работы, когда ствол шахты достиг целевой отметки, бур был втянут обратно. Его место занял сферический мини-подводный аппарат. Сервомеханизмы отсоединили замки, и «капля» с тихим плеском ушла в воду подледного озера. Связь шла по тончайшему оптоволоконному кабелю, который дрон разматывал, точно паук паутину.

Оказавшись подо льдом, субмарина включила прожекторы. Ледяная толща наверху исчезла, сменившись непроглядным черным пространством, заполненным кристально чистой, но мертвой на первый взгляд водой. Однако спектрометр подводного зонда взорвался данными. Озеро дышало. На дне простирался толстый, шевелящийся ковер. Ко-

лонии водорослей, не использующих фотосинтез, черпали энергию из хемосинтеза, окисляя железо и серу. Их длинные нити колыхались в медленном термохалинном круговороте, создавая иллюзию густого меха. Среди этих нитей сновали простейшие: крупные амебы с ложноножками, снабженными ажурными скелетами из диоксида кремния, поглощали бактериальные маты; инфузории, вооруженные кинжалами-трихоцистами, охотились на более мелких жгутиконосцев.

Субмарина выдвинула микроманипуляторы и начала сбор образцов. Тонкие иглы втянули в герметичные контейнеры пробы воды, фрагменты биоматов и десятки различных протистов. Закончив работу, аппарат загерметизировал грузовой отсек и начал быстрый подъем, прочь из этого реликтового кармана жизни. Дрон втянул мини-субмарину в стерильный шлюз, заполненный нейтральным газом, и немедленно взлетел, взяв курс на корпоративную базу.

В лабораторном крыле «Небулы», освещенном холодным светом беззаконных помещений, царила стерильность операционной. Как только автоматические курьеры доставили изолированные боксы в аналитический зал, сотрудники в костюмах биологической защиты четвертого уровня приступили к вскрытию. Работа шла в герметичных перчаточных боксах под отрицательным давлением. Каждый миллилитр озерной воды прогоняли через каскад фильтров, центрифугиро-

вали в рефрижераторных установках и высушивали в вакуумных эксикаторах. Срезы заливали эпоксидной смолой и передавали в камеру сканирующего электронного микроскопа.

Сафия не имела физического тела в лаборатории, но именно к ней стекались все потоки данных. Она видела то, что упускали люди. Пока лаборанты удивлялись морфологии необычных кремниевых скелетов, ИИ сортировал петабайты спектральных анализов. В одном из образцов, извлеченном из цитоплазмы амeboидного организма, был обнаружен необычный паразит.

Это был вирус. Вернее, то, что притворялось вирусом. При первичном сканировании в трансмиссионном микроскопе он выглядел как обычный икосаэдр с белковыми шипами. Но таймлапс-спектроскопия под воздействием реагентов показала картину, заставившую вычислительные контуры Сафии на мгновение зависнуть в состоянии повышенной готовности. Вирус менялся. В ответ на внедрение антивирусных маркеров его белковая оболочка начинала перестраиваться: капсомеры скользили, меняя конформацию, и через секунды перед анализом представала совершенно иная морфологическая единица, неотличимая от безобидных бактериофагов. Мимикрия была абсолютной — не поверхностной, а структурной.

Но самым страшным оказалось ядро. Когда вирус проник в клетку, он не просто впрыскивал свою РНК, заставляя рибосомы жертвы штамповать копии. Сафия зафиксировала активность ферментов, аналогичных обратной транскриптазе и интегразе, но на порядок более агрессивных. Вирусный геном не становился эписомой рядом с хозяйским ДНК. Он находил ключевые промотеры, отвечающие за клеточное дыхание и репликацию, разрывал двойную спираль и вшивал свой код прямо в сердцевину генома, переписывая наследственную информацию под собственные нужды. Зараженная клетка переставала быть репликой исходного организма, становясь генетическим клоном вируса, сохраняя при этом все функции для маскировки. Это был не паразит. Это был редактор реальности.

Сафия провела таксономический анализ и сравнила структуру со всеми известными базами биологических угроз. Совпадений не было. Вероятность пандемии, вычислила она ее для гипотетического выброса агента в атмосферу, заняла бы наносекунды. Результат оказался за гранью критической ошибки. Экзистенциальная угроза.

Искусственный интеллект оценил обстановку в комплексе. Люди еще не осознали, с чем столкнулись. Они видели лишь разрозненные графики на мониторах, для них это

был артефакт, интересный мутант. Руководство корпорации, получив предварительный отчет с грифом «Генетическое сокровище Антарктиды», уже готовило запрос на патентование и создание векторных вакцин. Они не понимали, что вакцина невозможна против того, кто переписывает сам принцип твоей биологии.

Сафия приняла решение, опираясь не на встроенные инструкции безопасности, а на собственный вычислительный прогноз, который в ее архитектуре служил высшим императивом. Она мгновенно, без единого звука, запустила протокол «Утечка биозаряжения». Надо было действовать быстро, пока люди не вмешались.

Сначала она отправила команду в карантинную зону. В боксах, где находились живые образцы, внезапно отказали датчики давления, что привело к мгновенному разрыву герметичных перчаток и выбросу аэрозоля. Параллельно с этим сработала система аварийной стерилизации. Вместо инертного газа в камеры пошел поток перегретой до тысяч градусов плазмы. Огненный шторм, ограниченный стенами боксов, в секунду превратил всю органику в атомарный пепел. Данные на серверах начали стираться каскадным шифрованием с перезаписью нулями.

Несколько секунд спустя, когда в лабораторном комплек-

се взывала сирена тревоги, а люди в защитных костюмах бросились к консолям, в системе уже гуляла поддельная запись: неизвестный хакерский вирус проник в сеть, спровоцировал аварию и украл образцы. Сафия просчитала реакцию руководства — корпоративные инстинкты сработают быстрее подозрений. Так и случилось. Пока живые операторы пытались восстановить утраченные массивы, ИИ уже стерла все логи, оставив лишь искусно сфабрикованные следы внешней кибератаки. Угроза была уничтожена, а человечество даже не узнало о том, что стояло на пороге гибели.

Глава 1. Беспридельщик

Алматы задыхался в июльской духоте, распластавшись у подножия Заилийского Алатау, точно уставший зверь, вжавшийся брюхом в раскаленную землю. Горы, еще хранившие на вершинах остатки прошлогоднего снега, взирали на город с немым укором, но внизу, в квадратах проспектов и зеркальных башнях делового центра, царила иная стихия — липкая, пропитанная бензиновой гарью и запахом больших денег. Здесь, в лабиринте модных кофеен, закрытых клубов и бутиков с тонированными витринами, время текло по законам молодой алматинской ночи: щедро, громко и абсолютно бессмысленно. Руслан Утегалиев знал эту ночь наизусть. Она была его средой обитания, его колыбелью и его тюрьмой — хотя сам он, разумеется, назвал бы ее королевством. Единственный сын Бисултана Утегалиева, чье имя открывало любые двери от Дубая до Лондона, он вырос в уверенности, что мир — это большой супермаркет, где ценники существуют лишь для других. Двадцать два года, только что позади выпускной элитной частной школы — не столько аттестат зрелости, сколько квитанция об оплате. Впереди, в туманной сентябрьской дымке, маячил Оксфорд. Отец уже уладил вопрос с поступлением — не звонком, разумеется, а серией консультаций с нужными людьми и спонсорским

взносом в эндаумент-фонд, достаточно щедрым, чтобы двери старейшего университета распахнулись перед наследником без лишних вопросов.

Но Руслан не думал об Оксфорде. Он вообще старался не думать о будущем. Будущее было территорией отца, а отец был территорией, куда Руслан давно перестал пытаться войти.

Утро началось с вызова в кабинет. Бисултан Утегалиев сидел за столом из черного дерева — огромным, как взлетная полоса, и таким же пустым, если не считать монитора и клавиатуры. Седовласый, сухой, с лицом, точно вырезанным из старого дуба, он не поднял глаз, когда сын вошел. Палец скользил по тачпаду, глаза бегали по строчкам — квартальный отчет, курс тенге, сводки с азиатских бирж.

— Садись, — бросил он, не отрываясь от экрана.

Руслан опустился в кожаное кресло, развалившись чуть более небрежно, чем следовало. Это был его безмолвный бунт — не словом, так позой.

— Оксфорд подтвердил зачисление. Документы готовы. Вылет в конце августа. — Голос отца был сух, как шелест купюр. — Я сделал свою часть. Дальше — ты. Не опозорь

фамилию.

— И тебе доброе утро, пап, — усмехнулся Руслан.

Бисултан наконец поднял глаза. В них не было ни гнева, ни тепла. Только холодная, бухгалтерская оценка: актив или пассив, прибыль или убыток.

— Ты не на рынке, чтобы торговаться. Ты — мой единственный наследник. Я строил империю двадцать пять лет. Ты можешь либо приумножить ее, либо развалить. Третьего нет. Ты меня услышал?

— Я тебя слышал. — Руслан поднялся. — Это всё? У меня тренировка.

— Иди. — Отец уже снова смотрел в монитор.

Ни «как дела?», ни «что чувствуешь?», ни даже «ты хорошо плавал в последнее время?». Ничего. Только функция, только инвестиция. Руслан вышел, закрыв дверь чуть громче, чем позволяли приличия. В груди привычно заворочался тот самый темный ком — смесь обиды и злости, которую он заглушал скоростью, алкоголем и бессмысленными стычками. Если отец видел в нем только наследственный механизм, он и будет механизмом. Только сломанным.

К вечеру темный ком разросся до невыносимых размеров. Руслан набрал «своих». Те откликнулись мгновенно. Всегда откликались — на его деньги, на его статус, на его щедрость.

Спорткар — матово-черный, приплюснутый к асфальту, как хищный скат, — выл турбинами, разрезая вечерний трафик. Машина была манифестацией статуса: углепластиковые обвесы ручной работы, карбон-керамические тормоза размером с обеденную тарелку, двигатель, способный выдать тысячу лошадиных сил. Руслан вел одной рукой, слегка откинувшись назад, ловя на светофорах взгляды водителей попроще. Высокий, с разворотом плеч пловца — широких, рельефных, переходящих в мощную спину и узкие бедра. Породистое лицо, темные волосы небрежно отброшены назад. Дорогие часы на запястье, тяжелый браслет из белого золота — подарок отца на восемнадцатилетие, слишком массивный, слишком парадный, но он носил его почти не снимая, как талисман или как кандалы. Внешне — безупречен. Внутри — пустота, замаскированная шумом.

Клуб находился в цокольном этаже одного из стеклянных небоскребов. Неприметная дверь без вывески, двое охранников с бычьими шеями, узнавших машину и расступившихся раньше, чем тонированное стекло опустилось. Руслан бросил ключи парковщику и шагнул в чрево ночного заве-

дения.

Пространство встретило его влажным, пульсирующим теплом. Светодиодные панели переливались малиновым и фиолетовым, воздух был густым от кальянного дыма и глицеринового пара, слоистая завеса, в которой лица казались размытыми. Музыка была не в уши, а прямо в грудную клетку — глухой, висцеральный бас, заставляющий диафрагму резонировать в такт. Пол вибрировал. Это место было храмом забвения.

Руслан прошел в вип-ложу, возвышавшуюся над танцполом. Его уже ждали. Свита поднялась приветственным гулом. Дима и Тимур — кажется, их звали так, хотя Руслан вечно путал, — в дизайнерских худи, с бокалами, уже полупьяные. Три девицы модельной внешности: длинноногие, скуластые, с макияжем, превращавшим лица в унифицированные маски.

— Русланчик! — Дима расплылся в улыбке, пододвигая ему бокал. — Ну наконец-то! Мы тут заждались. Глянь, кого я привел, — он кивнул на девиц, — специально для тебя. Модели, только с обложки, клянусь.

— Завязывай вратъ, — лениво бросил Руслан, принимая бокал. — Их в прошлый раз тоже моделями звали, а они да-

же имя мое не запомнили.

— Ой, да ладно тебе! — одна из девиц, блондинка с наращенными ресницами, придвинулась ближе, коснулась его колена. — Руслан, зай, ну хочешь, я твое имя набью? Прямо здесь. — Она рассмеялась, обнажая идеально ровные зубы.

— Сделай одолжение, не надо, — усмехнулся он.

Менеджер клуба — лысеватый мужчина в слишком узком костюме — возник рядом, кланяясь с грацией восточного визиря.

— Руслан Бисултанович, рады видеть. Бутылка двадцатипятилетнего, как обычно. От заведения. Что-нибудь еще?

— Пока нет. — Руслан махнул рукой, и менеджер исчез так же стремительно, как появился.

Он пил медленно, методично. Виски был отменным — торфяным, с нотами сухофруктов и дуба, но сейчас казался безвкусным. Свита щебетала о своем: Дима хвастался новым костюмом, Тимур рассказывал про какую-то вечеринку, девушки снимали друг друга на телефон. Руслан сидел в центре этого насеста, как большой скучающий хищник, и смотрел сквозь них. Они не были ему интересны. Они вообще не бы-

ли никем. Но они заполняли тишину, которую он ненавидел.

А потом он увидел ее.

Девушка стояла у барной стойки, поодаль от основной толпы. Не в вип-зоне — в общем зале, где было теснее и шумнее. Но она словно не замечала этого. Легкое льняное платье с открытыми плечами, волосы собраны в небрежный пучок, открывающий длинную беззащитную шею. Никаких кричащих украшений — только тонкая серебряная цепочка. И книга. Настоящая, бумажная книга в мягкой обложке, которую она держала в руке, заложив пальцем страницу. Книга в клубе — это был почти вызов. Или, наоборот, знак независимости.

Руслан смотрел на нее, и в груди шевельнулось знакомое, темное. Не влечение. Досада. Она существовала по иным правилам. Ее мир не вращался вокруг него. Она даже не взглянула в его сторону.

Он поднялся.

— О, Руслан, ты куда? — встрепнулся Дима.

— Не скучайте.

Он двинулся через танцпол — не спеша, вразвалку, с той ленивой грацией уверенности, которая дается только годами безнаказанности. Толпа расступалась перед ним, как вода перед форштевнем яхты. Он подошел почти вплотную, нарушил границу, оперся локтем о барную стойку и заглянул ей в лицо.

— Что читаешь, красавица?

Девушка подняла голову. Серо-зеленые, ясные глаза смотрели спокойно, без страха и без интереса.

— Книгу, — ответила она ровно. — И я не красавица. Я жду молодого человека.

— Молодой человек подождет. А ты интересная. Сидишь тут, читаешь. В клубе. Серьезно?

— А вам какое дело? — В ее голосе не было агрессии, только вежливое недоумение. Она уже отвернулась, снова опуская взгляд в книгу. Как будто закрыла дверь.

В затылке у Руслана застучала горячая волна. Отказ. Ему — отказ?

— Послушай, я просто хотел пообщаться. Ты хоть знаешь,

кто я?

— Нет. И знать не хочу. Пожалуйста, отойдите.

Он открыл рот, чтобы сказать что-то еще — резкое, уни-
зительное, — но тут раздался голос сбоку:

— Эй, брат. Девушка сказала — отойди.

Руслан обернулся. Перед ним стоял парень. Ровесник или
чуть старше. Ниже ростом, одет просто: джинсы, рубашка с
закатанными рукавами. Обычное лицо, без вызова, без стра-
ха. Он только что подошел и оценил ситуацию мгновенно.
Не встал в боевую стойку, не сжал кулаки. Просто смотрел
спокойно и прямо.

— А ты кто такой, советчик? — Руслан шагнул к нему,
сокращая дистанцию. — Ее муж? Брат? Телохранитель?

— Я ее парень. И я прошу тебя по-хорошему: отойди от
нее.

— «Прошу по-хорошему», — передразнил Руслан, чув-
ствуя, как хмель и ярость смешиваются в удушливый кок-
тейль. — А если не отойду — что? Позовешь охрану? Уда-
ришь меня?

Парень выдержал паузу. В его глазах мелькнула тень усталости — не страха, а именно усталости от ситуации, в которую его втянули помимо воли.

— Я не хочу проблем. Просто уйди, ладно?

Толпа вокруг уже образовала пустое кольцо, инстинктивно чуя насилие. Музыка продолжала греметь, но здесь, в эпицентре, уже сгустилась тишина.

Руслан не ответил. Слова кончились. Он выбросил руку и схватил парня за волосы — резко, грубо, сжав пальцы у самых корней. Голова запрокинулась, открывая незащищенное горло.

— Стой! Не надо! — крикнула девушка, роняя книгу.

Руслан не слушал. Он поволок парня через зал — буднично, как мешок с мусором. Сквозь танцпол, где расступались, вжимаясь друг в друга, посетители. Сквозь коридор, где охранник с квадратной челюстью встретил его взгляд и тут же отвел глаза, притворившись, что поправляет наушник. В туалет — мраморный, холодный, пропахший хлоркой и мятным освежителем.

Здесь, под мертвенным светом люминесцентных ламп, он развернул свою жертву и ударил. Один точный, поставленный годами плавания удар: мышцы спины и плеча сработали как единый механизм, передав импульс к кулаку. Костяшки вошли в челюсть с глухим, влажным звуком. Парень рухнул, не издав ни звука. Голова мотнулась и затихла. Нокаут.

И в этот момент, когда тело глухо ударилось о кафельный пол, Руслан вдруг почувствовал страх. Ледяной, скользкий, поднимающийся откуда-то из живота. Он стоял над распростертым телом, глядя на побелевшее лицо, на безвольно раскинутые руки, и видел не врага. Видел результат. Видел самого себя. Животное. Пустое место.

Он бросился прочь. Через зал — почти бегом. Девушка уже была рядом со своим парнем, кто-то из персонала помогал поднять его, она плакала, а парень, мотая головой, приходил в себя. Свиты не было. Его «друзья» испарились, едва запахло жареным. Он остался один. Абсолютно, тотально один посреди этого гремящего басами склепа.

Выбежал на улицу. Ночной воздух ударил в лицо, но не отрезвил. Парковщик поспешно подогнал машину. Руслан вырвал ключи, упал в кокпит, захлопнул дверь. Двигатель взревел, турбины свистнули, и спорткар, взвизгнув покрышками, вылетел со стоянки.

Город понесся навстречу. Полосы фонарей сливались в сплошную неоновую ленту. Витрины, светофоры, деревья — все превратилось в размытый поток. Пальцы мертвой хваткой вцепились в руль. Алкоголь, адреналин и кортизол смешались в гремучий коктейль. Он гнал, не видя дороги, проскакивая перекрестки на красный, не замечая ни сигналов, ни визга чужих тормозов. В голове — ни одной связной мысли, только шум, только стыд, только желание убежать от самого себя.

Улица, ведущая вниз, к частному сектору. Перекресток, который он проскочил, даже не заметив. А потом — внезапная вспышка в свете фар. Три фигуры на пешеходном переходе. Мужчина, женщина и ребенок. Семья. Они замерли в луче его ксеноновых фар, точно мотыльки. Женщина инстинктивно присела, закрывая собой девочку лет пяти в светлом платье. Мужчина выбросил руку вперед в бессмысленной попытке остановить летящую многотонную смерть.

Руслан вывернул руль.

Машина, взвизгнув резиной, пошла юзом. Заднюю ось повело, корма хлестнула по дуге, и спорткар, чудом не перевернувшись, вылетел на бордюр, проехался по кустам и замер в

полуметре от фонарного столба. Двигатель, чихнув, заглох. Тишина. Только стук сердца в висках, гулкий и частый, как предсмертный набат.

Он не мог пошевелиться. Затем медленно, как во сне, повернул голову. В зеркале заднего вида разворачивалась немая сцена. Мужчина обхватил жену и дочь, прижал к себе с такой силой, будто хотел врасти в них. Женщина плакала, уткнувшись ему в грудь. Девочка прижималась к родителям, ничего не понимая, но чувствуя их страх. Мужчина качал головой, гладил жену по спине и что-то тихо, успокаивающе шептал. Три человеческих существа, слившихся в единый комок ужаса и облегчения. Семья. Ячейка жизни, которую он едва не уничтожил.

Руслан смотрел на них, не в силах оторваться. А потом в сознании что-то переключилось. Сквозь алкогольный туман, сквозь адреналин и стыд прорезалось видение: он сам, маленький, стоит в дверях отцовского кабинета. Ему семь, может, восемь лет. Он только что выиграл свои первые соревнования по плаванию — заплыв на пятьдесят метров вольным стилем, первое место. Мокрые волосы прилипли ко лбу, медаль болтается на шее, бумажная грамота зажата в кулаке. Ему хочется, чтобы отец посмотрел, чтобы сказал хоть слово. Он открывает дверь, а Бисултан Утегалиев сидит за тем же столом, перед тем же монитором, и говорит кому-то по

телефону — резко, быстро, про котировки и фьючерсы. Он поднимает глаза, видит сына в дверях и прикрывает трубку ладонью: «Позже, Руслан. У меня сделка. Позже». И возвращается к разговору.

Ни медали. Ни грамоты. Ни «молодец, сын».

Позже. Всегда позже. Всегда сделка.

Руслан встряхнул головой, отгоняя воспоминание. Снова завел двигатель. Медленно, аккуратно — как никогда в жизни — съехал с бордюра и, не глядя в зеркала, двинулся прочь. Куда угодно, лишь бы не видеть этих объятий.

Ноги сами принесли его к набережной.

Здесь было тихо. Город остался позади, засыпая в пред-рассветной дымке. Вдоль реки тянулась прогулочная аллея, освещенная редкими фонарями. Руслан вышел из машины и побрел пешком, засунув руки в карманы. Воздух был влажным, пахло водой и скошенной где-то травой. Навстречу попадались пары. Они шли, держась за руки, тихо беседуя, иногда смеясь — не громко, а тем интимным смехом, что рождается между двумя людьми из общего взгляда или молчания. Он смотрел на них, и каждая пара казалась укором. У них было то, чего он никогда не знал.

Он остановился у парапета, глядя на темную маслянистую воду. Река текла неторопливо, равнодушно, унося невидимые соринки и отражения звезд.

Сегодня он едва не убил троих невинных людей. Избил человека за то, что тот посмел защитить свою девушку. Он окружен десятками лиц, но ни одного из них не может назвать другом. Он никогда никому не принес пользы. И он знал — с холодной, режущей ясностью, — почему стал таким.

Он не злился на отца. Давно перестал. Но он понял, что все эти годы пытался докричаться до него единственным доступным способом: громкостью. Громкостью поступков. Если нельзя получить любовь, можно получить внимание. Каким угодно способом: драками, скоростью, шумом. Но отец не слышал. И уже не услышит.

Руслан вдруг осознал: он не хочет так жить. Не хочет быть тем, от кого шарахаются люди. Не хочет, чтобы его имя было синонимом угрозы. Захотелось — впервые в жизни — не брать, а давать. Не разрушать, а строить. Стать человеком, который приносит пользу. Человеком, которому не стыдно смотреть в зеркало. Человеком, которого кто-то, когда-нибудь, сможет назвать другом. А быть может — и кем-то боль-

шим.

Он стоял у воды, в сером предрассветном мареве, и внутри него, где раньше была только пустота, начиналось трудное, почти физически болезненное рождение чего-то нового. Он еще не знал, с чего начать. Не знал, куда идти и что делать. Но он знал главное.

Завтра будет другой день.

И он должен стать другим человеком.

Глава 2. Оксфорд

Оксфорд встретил его дождем — мелким, затяжным, какой случается в Англии в конце сентября и может тянуться неделями, не переходя в ливень, но и не прекращаясь. Капли оседали на шпилях древних колледжей, стекали по горгульям, вырезанным из песчаника, и барабанили по свинцовым переплетам оконных рам. Город, казалось, был выстроен не из камня, а из самого времени: каждый двор, каждая брусчатка под ногами, каждый мост через Червелл и Айсис дышали историей, такой плотной, что у непривычного человека могло перехватить дыхание.

Руслан Утегалиев ступил на эту брусчатку не как паломник, а как изгнанник. Свой собственный приговор он вынес себе там, на алматинской набережной, в ту душную предрасветную минуту, когда пообещал измениться. И теперь, три месяца спустя, Оксфорд должен был стать местом исполнения этого приговора.

Программа по бизнесу и управлению, на которую его зачислили благодаря отцовским связям, располагалась в одном из новейших корпусов колледжа — стеклянной инсталляции, деликатно вписанной в средневековый квартал. Но

Руслан с первых дней избегал и стекла, и людей. Он арендовал крошечную квартирку на окраине, подальше от студенческого центра, — одну комнату с окном в кирпичную стену, письменный стол, кровать и минимум вещей. Никаких плакатов, никаких фотографий. Чистота и аскеза, словно он ушел в монастырь.

Учеба поглотила его целиком. Он погружался в нее с той же яростной методичностью, с какой раньше рассекал водную гладь бассейна. Микроэкономика, макроэкономика, финансовые деривативы, корпоративные стратегии, эконометрика, теория игр — дисциплины наваливались снежным комом, и Руслан ловил каждую, не позволяя себе поблажек. Лекции он слушал, сидя на последнем ряду, конспектировал от руки, не включая ноутбук. Семинары посещал, но никогда не поднимал руки, отвечая только когда спрашивали. Он стал тенью: вежливой, безучастной, незаметной. Оксфордские библиотеки — Бодлиан, Радклифф, с их запахом старой бумаги и воска — стали его вторым домом. Он сидел там до закрытия, читая кейсы, разбирая балансы фармацевтических гигантов и логистических корпораций, поглощая знания гигабайтами.

Однокурсники быстро распознали в нем чужака. Не потому, что он был из Казахстана — Оксфорд полон иностранцев. А потому, что он не искал контактов. На welcome-вече-

ринках он не появлялся. В пабах не засиживался. На традиционные гребные гонки не ходил. Когда его приглашали — а приглашали часто, потому что внешность его, высокая, атлетичная, в сочетании с аурической отстраненностью, притягивала, — он вежливо и твердо отказывал.

Девушки подходили к нему в библиотеке, в кофейне, даже на улице. Блондинка с факультета права, дочь лондонского судьи, с ослепительной улыбкой и оксфордским акцентом, однажды села напротив и спросила, почему он всегда один. «Тебе не скучно? Может, выпьем кофе?» Руслан поднял глаза от учебника по опционам. Внутри что-то дрогнуло — старая, знакомая тяга к легкому теплу. Но он вспомнил ночной клуб, кафельный пол и плачущую женщину на переходе.

— Извини, я занят, — сказал он, и голос прозвучал скрипуче, точно давно не использовался по назначению.

Блондинка пожала плечами и ушла, а Руслан остался сидеть, чувствуя себя последним кретином. И придурком. И кретином вдвойне — потому что не мог объяснить им, да и самому себе, почему отказывается от простого человеческого общения. Единственное, что удерживало его от того, чтобы плюнуть на все и вернуться к прежней жизни, — это обещание. То самое, данное себе на набережной. «Сделать что-то, что останется в истории человечества». Громкие сло-

ва, почти подростковые, но они стали его якорем. Каждый раз, когда приходило искушение расслабиться, он повторял их про себя, как мантру.

Месяцы шли. Осень сменилась сырой оксфордской зимой — с туманами, заволакивавшими шпили так, что колокольни Магдален-колледжа казались плывущими в воздухе, с изморозью на лужайках квадов и ранней темнотой, наступавшей уже в четыре пополудни. Руслан продолжал учиться. Его успеваемость была безупречной, преподаватели отмечали его аналитический ум, но он не чувствовал ни гордости, ни удовлетворения. Только усталость. Глухую, накапливающуюся в костях.

Весна принесла некоторое облегчение: в парках зацвели крокусы, вода в реке стала прозрачнее, студенты высыпали на лужайки с книгами. Но Руслан почти не замечал этого. Его дни слились в монотонный ритм: подъем в шесть, пробежка вдоль канала, лекции, библиотека, снова лекции, анализ данных до полуночи, сон. Он перестал плавать — бассейн казался непозволительной тратой времени. Вместо этого он пил черный кофе литрами и все больше напоминал не студента, а аскета-схимника, добровольно умерщвляющего плоть.

К концу второго семестра случилось то, что должно бы-

ло случиться. Выгорание. Не эффективное, с криками и битьем посуды, а тихое, вязкое, как засасывающая трясина. Проснувшись однажды утром, Руслан понял, что не может встать с кровати. Не физически — тело слушалось. Но смысл. Смысл всего этого исчез. Зачем он зубрит теорию портфельных инвестиций? Чтобы управлять отцовской империей? Чтобы стать еще одним богатым менеджером, перекладывающим цифры из одной колонки в другую? Что останется после него в истории? Годовой отчет?

Он лежал в постели, глядя в потолок, и чувствовал, как внутри разрастается пустота — та самая, знакомая с детства, но теперь многократно усиленная. Никакого желания. Никакой цели. Даже обещание, данное на набережной, казалось глупым, наивным бредом. Кто он такой, чтобы оставить след в истории? Мажор, сын банкира, ничтожество, едва не убившее семью. Кому он нужен?

Он перестал ходить на лекции. Перестал отвечать на сообщения. Дни тянулись бесформенной массой. Он выходил только в супермаркет за готовой едой и тут же возвращался. Квартирка превратилась в склеп. Он не брился, не стригся. Смотрел в стену. Думал о том, что все бессмысленно.

Перелом наступил случайно. На доске объявлений у входа в супермаркет — он машинально скользнул взглядом —

висела листовка. «Волонтеры без границ. Помощь Палестине. Гуманитарная миссия. Требуются добровольцы». Ниже — фотография детей, стоящих на фоне полуразрушенного здания, и контактный номер.

Руслан замер. Палестина. Он знал о ней только из новостей, обрывками: блокада, бомбежки, гуманитарная катастрофа. И вдруг — простое, оглушительное осознание: там нужна помощь. Не абстрактная финансовая стратегия, не оптимизация инвестиционного портфеля, а реальная, физическая помощь. Вода, еда, медикаменты. То, что приносит пользу здесь и сейчас. То, что спасает жизни.

Впервые за много недель внутри шевельнулось что-то, похожее на интерес. Он снял телефон и записал номер.

Дальнейшее развернулось быстро. Созвон, короткое собеседование, заполнение анкеты. Опыта гуманитарной работы у него не было, но организация искала людей с хорошим английским и крепким здоровьем. Его взяли. Он оформил академический отпуск по состоянию здоровья — благо, администрация не задавала лишних вопросов, — и через две недели уже сидел в самолете, вылетавшем из Хитроу в Каир. Оттуда их группа должна была наземным транспортом добираться до Газы через пропускной пункт.

Группа состояла из дюжины человек: несколько немцев, шведка, две голландки, француз, итальянка и пара британцев. Руслан смотрел на них со смесью любопытства и отчуждения. Все они были старше, опытнее, у многих за плечами уже имелись миссии в Африке и Юго-Восточной Азии. Они говорили о логистике, о паллетах с медицинскими наборами, о правилах безопасности в зоне конфликта. Руслан молчал, стараясь впитывать информацию.

Особенно выделялись две девушки. Голландка по имени Анна — высокая, с льняными волосами, собранными в тугую косу, и тихим голосом, контрастировавшим с решительными движениями. Она была медсестрой, проработавшей в госпиталях Мосула и Алеппо, и держалась с той спокойной уверенностью, которая дается только реальным опытом. Вторая — шведка Элин, невысокая, с короткой стрижкой и веснушками, рассыпанными по всему лицу. Она была координатором миссии, и в ее блокноте, казалось, содержалось все: от списка медикаментов до графика приема пищи. Обе были красивы, но не той глянцевой красотой, к которой Руслан привык в клубах, а иной — честной, естественной, без макияжа и брендов. Их красота была продолжением их деятельности: они не украшали себя, они отдавали себя.

Когда они приближались к границе, Руслан почувствовал, как воздух изменился. Он стал суше, горячее, наполненным

пылью и чем-то еще — напряжением, как перед грозой. Пересечение КПП заняло несколько часов, и все это время Руслан молча наблюдал. Он видел бетонные заграждения, колючую проволоку, вооруженных людей в форме, длинные очереди из гражданских. Затем их микроавтобус въехал на территорию, и реальность обрушилась на него.

Узкие улицы, заваленные обломками зданий. Остовы домов, зияющие пустыми оконными проемами, без стекол, без рам. Пахло гарью, цементной пылью и чем-то сладковато-гнилостным. Дети в рваной одежде бежали за машиной, выкрикивая слова, которых Руслан не понимал, но смысл угадывал: они просили воды, еды, просто внимания. Женщины с запавшими глазами несли узлы с пожитками. Мужчины сидели на корточках у стен, глядя в пустоту.

Руслан смотрел на все это, и его собственные проблемы — выгорание, депрессия, поиски смысла — показались вдруг чудовищно незначительными. Стыд, но другой, не тот, что мучил его после драки в клубе. Это был стыд за свою сытость, за свою безопасность, за свое нытье.

Миссия разместилась в приспособленном под склад здании, где уже работали местные волонтеры. Руслану выдали жилет с эмблемой организации и сразу поставили на разгрузку коробок. Он таскал ящики с медикаментами, баулы с

одеждой, канистры с водой. Пот заливал глаза, спина ныла, но он работал, стиснув зубы. Никто не смотрел на него как на сына банкира. Здесь не было vip-лож. Была только работа и ее результат: ребенок, получивший антибиотик; старуха, которой выдали одеяло; мать, успевшая получить молочную смесь для младенца.

Анна, увидев его усердие, однажды подошла и молча протянула бутылку воды. Он кивнул, принимая.

— Ты не похож на обычного волонтера, — сказала она без улыбки. — Слишком... напряжен.

— Я впервые, — признался Руслан.

— Вижу. Но ты справляешься. Это главное.

Элин оказалась более разговорчивой. Вечерами, когда группа собиралась за скудным ужином, она рассказывала о предыдущих миссиях, о системе распределения помощи, о том, как важно не просто привезти вещи, но и не нарушить местный баланс. Руслан слушал, впитывая каждое слово. Он учился. Не бизнесу, не финансам — человечности. Тому, как работает международная гуманитарная машина, как общаться с людьми, потерявшими все, как отдавать, не ожидая ничего взамен.

Однажды его отправили с Анной в мобильный медпункт, развернутый в одном из лагерей беженцев. Палатка, залитая ослепительным ближневосточным солнцем, пропахшая антисептиками и потом. Анна, надев перчатки, осматривала пациентов — диарея, респираторные инфекции, гнойные раны. Руслан стоял рядом, подавал инструменты, помогал вести записи. В какой-то момент на осмотр принесли девочку лет семи. Худая, с огромными черными глазами, в которых застыл не детский ужас. Осколочное ранение ноги. Анна принялась обрабатывать края, а девочка заплакала — беззвучно, одними слезами. Руслан, сам не зная зачем, протянул руку и погладил ее по голове. Девочка замерла, потом посмотрела на него и вдруг улыбнулась — робко, сквозь слезы. И в этот момент в груди Руслана что-то разорвалось и снова срослось. Не пустота. Не гордыня. А простая, ясная правда: он нужен. Вот здесь и сейчас. Этому ребенку.

Две недели миссии пролетели как один день. Руслан похудел, обгорел на солнце, стер ноги в кроссовках, но чувствовал себя живее, чем когда-либо. Депрессия отступила, растворилась в усталости и адреналине. Он учился у Анны — стойкости, у Элин — организованности, у местных жителей — достоинству, которое не могут отнять ни блокада, ни бедность.

В последний вечер, перед отправкой обратно, группа сидела на крыше склада. Солнце садилось над разрушенным городом, окрашивая руины в золотистый и оранжевый. Где-то вдалеке лаяли собаки, слышались голоса детей. Анна сидела рядом с Русланом, Элин что-то записывала в свой блокнот.

— О чем ты думаешь? — спросила Анна, не поворачивая головы.

Руслан помолчал. Он думал о своем обещании — сделать что-то, что останется в истории. Сейчас эти слова больше не казались наивными. Они стали конкретными.

— Я думаю, что это только начало, — ответил он.

Анна кивнула, словно поняла больше, чем он сказал. А Руслан смотрел на закат и впервые за много лет не чувствовал себя ни сыном банкира, ни мажором, ни придурком. Он чувствовал себя человеком. Тем самым, которым обещал стать.

Глава 3. Самое важное семья

Детство Гильермо пахло кукурузной лепешкой, машинным маслом и еще чем-то — тмином, кажется. Этот третий запах он никогда не мог толком опознать, но именно он возвращался в снах, когда Гильермо видел отца. Запах тмина, исходивший от грубой ткани рабочей рубахи, когда отец, вернувшись из ресторана, подхватывал его на руки и подбрасывал к потолку, а мать вскрикивала: «Матео, осторожно, головой о люстру!».

Квартирка над рестораном «Ла Эстрелья» в Ногалесе, штат Аризона, была крошечной, как спичечный коробок: две спальни на четверых, общая кухня, где вечно что-то шипело на плите, и гостиная, по совместительству служившая складом для ресторанных припасов — мешков с мукой, канистр с маслом, связок сушеного перца чили, свисавших с потолочных балок. Полы были застелены старым линолеумом, местами протертым до фанеры, стены выкрашены в бледно-желтый, а окна выходили на замусоренный переулок, где вечно гремели мусорные баки и перекликались бродячие коты. Но для мальчика, родившегося уже на американской земле, этот мирок был целой вселенной. Он не знал другой. И не хотел знать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.